

СОЦИОЛОГИЯ "МАЛОГО НАРОДА" Т.Г. МАСАРИКА

*НАРБУТ Николай Петрович - кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии
Российского университета дружбы народов.*

В истории социологии и в самой социологии существует неписаный закон, согласно которому "малые национальные социологии" де-факто как бы не существуют, а их значение и смысл ограничены территорией и границами национальных государств, в рамках которых они возникли. Поэтому вполне естественно, что представители "малых социологий", какой бы значительный вклад в науку они ни внесли (несмотря на их признание как основателей и классиков в рамках национальных традиций), даже в солидных трудах по истории социологии, как правило, просто не упоминаются. Практически ни в одном из них мы не встретим имен средневропейских и восточноевропейских социологов (за исключением Ф. Знанецкого). О российской социологии в стандартных западных учебниках по истории социологии также почти не пишут (исключение составляет П. Сорокин, однако российский период его творчества практически полностью игнорируется).

Немецкий социолог Рихард Мюнх (точка зрения которого достаточно типична) в обширном труде о мировой социологии категорически утверждает, что существуют только "четыре важнейших социологических дискурса", заслуживающих внимания, которые представлены основными классиками, канонизированными в свое время Т. Парсонсом. Это дискурсы английский (Спенсер, Милль), американский (Уорд, Кули, Чикагская школа, Парсонс, этнометодология), немецкий (Маркс, Вебер, Зиммель, Луман) и франко-итальянский (Дюркгейм и итальянская школа политической социологии). Этим основным дискурсам соответствует также и доминирующая тематическая ориентация американскому - индивидуум и прагматизм, немецкому - экономика и власть, франко-итальянскому - политическая власть и разделение труда, английскому - эволюция и индивидуализм и т.д.

Такое видение "основных социологических дискурсов" весьма распространено и в нашей литературе и искать что-то другое в установившемся понимании достаточно трудно. Допустим, однако, что кроме классиков социологии мирового уровня существуют не принимаемые во внимание классики национальных европейских национальных социологических школ: болгарской, чешской, словацкой, сербской, словенской и т.д. Возможно, их значение действительно редко когда перерастает рамки национальной социологической общности, однако, с другой стороны, без их знания нельзя понять многие существенные черты в жизни и судьбе малых и средних национальных европейских государств. И это не может не наносить ущерб все более интернационализирующейся социологической науке, так как, хотя бы информативное знакомство с развитием и представителями "национальных социологий" и знание русской социологии (для Запада),

является необходимой предпосылкой для понимания специфического развития современных обществ (обществ модерна) в различных исторических условиях.

Томаш Масарик (1850-1937) - классик чешской национальной социологии и первый выдающийся аналитик модерна в чешских землях. Именно в этом основном контексте имеет смысл говорить о Масарике и сегодня, шестьдесят лет спустя после его смерти. Несомненно и то, что возникновение и развитие Чехословацкого государства, Чешской республики в ее современном виде, а также во многом и чешской национальной культуры, нельзя понять без знания наследия Томаша Масарика. И без преувеличения можно добавить, что без учета специфики Чехии (социальной, экономической, политической, культурной) невозможно также понять Среднюю Европу.

Конечно, понимание Средней Европы и Чехии, в частности, не является самоцелью. Достаточно, однако, напомнить о месте и роли Центральной и Восточной Европы в изменившейся геополитической обстановке, важнейшем стратегическом положении Чешской республики на Европейском континенте, о ее все более возрастающем влиянии в мировой политике, об исторических связях наших народов, чтобы осознать чрезвычайную важность данной проблемы. Т.Г. Масарик сыграл беспрецедентную историческую роль в процессе формирования чешского национального сообщества и при возникновении независимого Чехословацкого государства в 1918 г. В этом сходятся как его почитатели, так и противники, которые еще и сегодня указывают, что проводившаяся им с начала Первой мировой войны стратегия, направленная на "разрушение" Австро-Венгрии и ее последующий распад на ряд независимых государств, имела для них катастрофические последствия.

Эта проблема является как бы политическим следствием одной из крупнейших теоретических тем чешского мышления, которую Масарик с самого начала представлял прежде всего с социологической точки зрения, как тему социологии малого народа. Эту специфическую тему, которую "большие народы" не знают, считая свое национальное (и государственное) существование само собой разумеющимся (в России в связи с распадом Советского Союза данная проблема становится достаточно острой) Масарик открыл в 90-х годах прошлого столетия.

Тема народа, нации, национализма значительные сами по себе, в чешской культуре и политической жизни в связи с историческими особенностями развития чешских земель, лишившихся в свое время и долгое время не имевших государственной независимости, имеют особое значение в силу своей постоянной актуальности. "Пражская весна" 1968 г. начиналась в том числе и с вопроса о смысле национального существования, об отношении культур "малых" и "больших" народов. Эти проблемы, которые постоянно мучают "малые народы" и снисходительно не замечают "большие". Масарик подверг фундаментальному анализу и был первый, кто проблему "малого народа" поставил как социологический вопрос и ответил на него политическим действием - основанием самостоятельного Чехословацкого государства. В истории немного аналогов, если они вообще существуют, такого соединения политики и социологии.

Будучи мыслителем "сократовского" типа, Масарик не создал законченной теоретической системы, однако он поставил и предпринял попытки решения целого ряда актуальнейших социальных проблем. Среди них социальный вопрос, мировая революция, проблема малых народов, современный человек и религия, Россия и Европа.

Масарик как философ, социолог и политик кризиса особенно интересно рассматривает тему малых народов на примере того, что он называет "Чешским вопросом". Масарик осознает, что чешское общество нуждается (философски и социологически) в теоретически обоснованной национальной программе и поэтому в 1895-1896 гг. публикует серию работ: "Чешский вопрос", "Наш нынешний кризис", "Ян Гус", "Карел Гавличек", которые объединены центральным вопросом о смысле чешской истории. Понятно, что вопрос о смысле истории сегодня (и не только в свете постмодерной философии и социологии) звучит несколько архаично. Но в конце столетия масариковский вопрос о смысле чешской истории в целом логично вписывался во временной контекст и сам по себе не вызывал сомнений. Сомнение вызывало масариковское решение, его проект ответа.

Уже сам исходный пункт Масарика с неизбежностью вызывает (и не только у материалистов) существенное замешательство. "Чешский вопрос для меня это вопрос о судьбах человечества. Как и Коллар я полагаю, что история народа не случайна, а в ней проявляется определенный план Провидения, и задача историков и философов, задача каждого народа состоит в том, чтобы постичь этот мировой план, познать его и точно определить в нем свое место и в соответствии с этим полностью осознанно продвигаться вперед во всей, в том числе политической работе" (21). Провидение вносит в историю смысл, который мы должны постичь и поступать в соответствии с ним (как здесь не сравнить с гегелевской или энгельсовской идеей "познанной необходимости"). Масарик, однако, в сравнении с Гегелем идеалист "иного типа" и идея Абсолютного духа, реализующего себя в истории, ему абсолютно чужда, не говоря уже о том, что Масарик находит даже связь между Гегелем и Бисмарком (и небезосновательно). "У Гегеля мы видим синтез Гете и Канта и предвосхищение Бисмарка: Гегель принял прусскую идею государства как проявление народности и вообще всего (целого) общества, своим пантеизмом и фантастикой (фантастичностью) создает переход от Гете и Канта и их мирового значения к пруссачеству и его материализму и насилию... Бисмарк и Вильгельм постоянно взывали к Богу, но к Богу прусскому. Гегель своим абсолютным идеализмом служил авторитаризму прусского государства, изменил гуманизму Гете и Канта и заложил фундамент теоретическому и практическому насилию" (22). С неизбежностью напрашивается мысль, что в этом ряду Гете - Кант - Гегель - пруссачество - Бисмарк Масарик предвосхищает позднейшие соображения Г. Лукача, который искал корни национал-социализма уже в немецкой классической философии. С другой стороны, идея свободы как познанной необходимости (Энгельса, Гегеля) неприемлема для Масарика потому, что в ней он видит путь к пониманию свободы как навязанного насилием равенства. Таким образом понимаемая свобода может прийти "только насилием и из нового насилия" (23).

Если допустить масариковскую "онтологическую предпосылку", что смысл истории существует и внесен в нее Провидением (Богом), то необходимо задать вопрос - в чем специфика смысла истории чешского народа? На этот вопрос Масарик отвечает долгим изложением чешской истории, обращая особое внимание на анализ периода национального возрождения, на те этапы развития чешского общества, когда снова конституировался чешский народ как народ общества модерна (от конца 17 до конца 19 вв.). Историческое обоснование масариковских рассуждений, несомненно, спорно, хотя Масарик категорически утверждает, что "действительно научная история должна основываться на социологии", и что его взгляд на историю является попыткой "конкретной социальной динамики", а ни в коем случае точной реконструкцией исторического процесса. Часть историков в дискуссии, которая получила название "спор о смысле чешской истории" и с перерывами длившаяся от 1895 до 1938, а потом продолжилась некоторое время после 1946 г. указала на фатологические ошибки Масарика.

Масариковский тезис о смысле чешской истории выглядит так: т.н. чешские будители (десятели чешского национального возрождения (Я. Коллар, Й. Добровский, И. Юнгманн) нашли твердую основу для своих стремлений по воскрешению чешского народа в понятии гуманизма. Это просветительское движение имело и свои собственные национальные корни - в чешской реформации и в гуситской традиции, которая впоследствии была насильно нарушена, будители ссылались и продолжали эти традиции. Смысл чешской истории - "наполнение гуманистического идеала", который постоянно присутствует в чешской истории - то в более сильной форме, то менее явно. В "Чешском вопросе" полностью в духе масариковского способа мышления вопрос о смысле истории напрямую связывается с созданием и формированием политической национальной программы. "Нелегко найти правильную и надлежащую формулировку всеобщей национальной программы, в которой все основные элементы - гуманизм, народность, государственность, социальные реформы, просвещение, цивилизация - были бы органично связаны. У нас нет также долгой и непрерывной традиции как у других народов... Естественным развитием гуманизма, односторонне понимаемым Колларом в смысле национальном, мы переходим к гуманизму в смысле социальном" (24).

Таким образом, в контексте чешского вопроса Масарик открывает коренной вопрос своего времени - социальный вопрос. Можно возразить, а какую связь с социологией имеют все эти размышления (достаточно спекулятивные) о чешском вопросе и смысле истории? Связь заключается во временном контексте и личности Масарика, для которого, как уже указывалось, социология никогда не была чисто академической наукой. Собственно Масарик написал только три академические социологические работы о самоубийстве, незаконченное пособие по социологии, и работу о взаимодействии общества и природы. Кроме книги о самоубийстве речь идет о работах, в которых сегодня могут быть интересны лишь некоторые детали. Значимость масариковского социологического наследия в его социологической публицистике и эссеистике (в этом он напоминает, например, Г. Зиммеля), в его критике марксизма ("Социальный вопрос") и исследованиях о России ("Россия и Европа").

Масарик, по существу, был прежде всего политик, практик, который, однако, свою политическую и общественную деятельность с самого начала хотел основывать на двух взаимосвязанных принципах - на высокой морали и этике как в личной, так и в общественной жизни, и на знании, основывающемся на социологии как основной науке, без которых полезная общественная деятельность и нравственная политика невозможны. С этой точки зрения Масарик и сейчас личность исключительная. Но он не составляет исключения в стремлении "социологически обосновать политику": здесь он опирается на Конта и целый ряд других мыслителей. Исключение, однако, состоит в том, что в отличие от Конта, который "начал критикой мифов и закончил тем, что создал целую позитивистскую мифологию, включая позитивную политику" (25). Масарик в своем стремлении обосновать политику социологически был успешным. Нельзя, конечно, утверждать, что возникновение Чехословацкой республики (1918) во главе с Масариком - первым президентом, было "материализацией" его социологических идей, но бесспорно, что в Средней Европе возникла и двадцать лет существовала развитая и стабильная демократия, основанная на идеях Масарика, в которых обосновывалась органическая связь социологии, этики и политики.